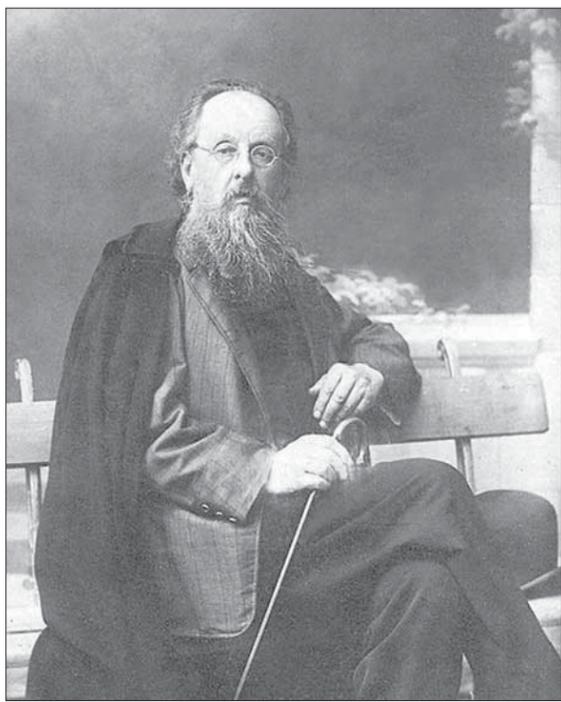

Константин Циолковский «На Луне»

17 сентября мы отметим 160-летие основоположника теоретической космонавтики, гениального учёного Константина Эдуардовича Циолковского (1857–1935). В честь памятной даты «КП» публикует фантастическую повесть «На Луне», написанную великим исследователем в 1887 году и впервые опубликованную в приложении к журналу «Вокруг света» в 1893 году.

1
Я проснулся и, лёжа ещё в постели, раздумывал о том, что виденно мною сне: я видел себя купающимся, а так как была зима, то мне особенно казалось приятно помечтать о летнем купанье.

Пора вставать!
Потягиваюсь, приподнимаюсь... Как легко! Легко сидеть, легко стоять. Что это? Уж не продолжится ли сон? Я чувствую, что стою особенно легко, словно погружённый по шею в воду: ноги едва касаются пола.

Константин Эдуардович Циолковский. Лето 1924 года.

Но где же вода? Не вижу. Махаю руками: не испытываю никакого сопротивления.

Не сплю ли я? Протираю глаза – всё то же.

Странно!..
Однако надо же одеться!
Передвигаю стулья, отворяю шкафы, достаю платье, поднимаю разные вещи и – ничего не понимаю!

Разве увеличилась моя сила?.. Почему всё стало так воздушно? Почему я поднимаю такие предметы, которые прежде и сдвинуть не мог?

Нет! Это не мои ноги, не мои руки, не моё тело!

Те такие тяжёлые и делают всё с таким трудом...

Откуда мощь в руках и ногах?
Или, может быть, какая-нибудь сила тянет меня и все предметы вверх и облегчает тем мою работу? Но в таком случае, как же она тащит сильно! Ещё немного – и мне кажется: я увлечён буду к потолку.

Отчего это я не хожу, а прыгаю? Что-то тянет меня в сторону, противоположную тяжести, напрягает мускулы, заставляет делать скачок.

Не могу противиться искушению – прыгаю.

Мне показалось, что я довольно медленно поднялся и столь же медленно опустился.

Прыгаю сильнее и с порядочной высоты озираю комнату... Ай! Ушиб голову о потолок... Комнаты высокие... Не ожидал столкновения... Больше не буду таким осторожным...

Крик, однако, разбудил моего друга: я вижу, как он заворочался и, спустя немного, вскочил с постели. Не стану описывать его изумления, подобного моему. Я уви-

дел такое же зрелище, какое незаметно для себя несколько минут назад сам избражал собственной персоной. Мне доставляло большое удовольствие смотреть на вытаращенные глаза, смешные позы и неестественную живость движений моего друга; меня забавляли его странные восклицания, очень похожие на мои.

Дав истощиться запасу удивления моего приятеля-физика, я обратился к нему с просьбой разрешить мне вопрос: что такое случилось – увеличилась ли наша сила или уменьшилась тяжесть?

И то и другое предположение были одинаково изумительны, но нет такой вещи, на которую человек, к ней привыкнув, не стал бы смотреть равнодушно. До этого мы ещё не дошли с моим другом, но у нас уже зародилось желание постигнуть причины.

Мой друг, привыкший к анализу, скоро разобрался в массе явлений, ошеломивших и запутавших мой ум.

– По силомеру, или пружинным весам, – сказал он, – мы можем измерить нашу мускульную силу и узнать, увеличилась ли она или нет. Вот я упираюсь ногами в стену и тяну за нижний крюк силомера. Видишь – пять пудов: моя сила не увеличилась. Ты можешь проделать то же и также убедиться, что ты не стал богатырём вроде Ильи Муромца.

– Мудрено с тобой согласиться, – возразил я. – Факты противоречат. Объясни, каким образом я поднимаю край этого книжного шкафа, в котором

не менее пятидесяти пудов? Сначала я вообразил себе, что он пуст, но, отворив его, увидел, что ни одной книги не пропало... Объясни, к стати, и прыжок на пятиаршинную высоту!

– Ты поднимаешь большие грузы, прыгаешь высоко и чувствуешь себя легко не оттого, что у тебя силы стало больше – это предположение уже опровергнуто силомером, – а оттого, что тяжесть уменьшилась, в чём можешь убедиться посредством тех же пружинных весов. Мы даже узнаем, во сколько именно раз она уменьшилась...

С этими словами он поднял первую попавшуюся гирю, оказавшуюся 12-фунтовиком, и привесил её к динамометру (силомеру).

– Смотри! – продолжал он, взглянув на показание весов. – Двенадцатифунтовая гиря оказывается в два фунта. Значит, тяжесть ослабла в шесть раз.

Подумав, он прибавил:
– Точно такое же тяготение существует и на поверхности Луны, что там происходит от малого её объёма и малой плотности её вещества.

– Уж не на Луне ли мы? – захохотал я.

– Если и на Луне, – смеялся физик, впадая в шуточный тон, – то беда в этом не велика, так как такое чудо, раз оно возможно, может повториться в обратном порядке, то есть мы опять возвратимся восвояси.

– Постояй, довольно каламбурить... А что, если взвесить какой-нибудь предмет на обыкновенных рычажных весах! Заметно ли будет уменьшение тяжести?

– Нет, потому что взвешиваемый предмет уменьшается в весе во столько же

раз, во сколько и гиря, положенная на другую чашку весов; так что равновесие не нарушается, несмотря на изменение тяжести.

– Да, понимаю!
Тем не менее я всё-таки пробую сломать палку – в чаянии обнаружить прибавленные силы, что мне, впрочем, не удаётся, хотя палка не толста и вчера ещё хрустела у меня в руках.

– Этакий упрямец! Брось! – сказал мой друг-физик. – Подумай лучше о том, что теперь, вероятно, весь мир взволнован переменами...

– Ты прав, – ответил я, бросая палку, – я всё забыл; забыл про существование человечества, с которым и мне, так же, как и тебе, страстно хочется поделиться мыслями...

– Что-то стало с нашими друзьями?.. Не было ли и других переворотов?

Я открыл уже рот и отдернул занавеску (они все были опущены на ночь от лунного света, мешавшего нам спать), чтобы перемолвиться с соседом, но сейчас же поспешно отскочил. О ужас! Небо было чернее самых чёрных чернил!

Где же город? Где люди?

Это какая-то дикая, невообразимая, ярко освещённая солнцем местность!

Не перенесли ли мы в самом деле на какую-нибудь пустынную планету?

Всё это я только подумал – сказать же ничего не мог и только бессвязно мычал.

П приятель бросился было ко мне, предполагая, что мне дурно, но я указал ему на окно, и он сунулся туда и также онемел.

Если мы не упали в обморок, то единственно благодаря малой тяжести, препятствовавшей излишнему приливу крови к сердцу.

Мы оглянулись.

Окна были по-прежнему занавешены; того, что нас поразило, не было перед глазами; обыкновенный же вид комнаты и находившихся в ней хорошо знакомых предметов ещё более нас успокоило.

Прижавшись с некоторой ещё робостью друг к другу, мы сначала приподняли только край занавески, потом приподняли их все и, наконец, решились выйти из дому для наблюдения траурного неба и окрестностей.

Внук предпринимателя из села Ижевского Костя Циолковский в возрасте 6 лет. Рязань.

Несмотря на то что мысли наши поглощены были предстоящей прогулкой, мы ещё кое-что замечали. Так, когда мы шли по обширным и высоким комнатам, нам приходилось действовать своими грубыми мускулами крайне осторожно – в противном случае подошва скользила по полу бесполезно, что, однако, не угрожало падением, как это было бы на мокром снегу или на

К. ЦИОЛКОВСКИЙ.
НА ЛУНѢ

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ

Съ оригинальными рисунками художника

А. Гофмана.

МОСКВА.
Типография Высочайших учреждений. Т-ва Н. Д. Ситнича.
Возле устья реки. Стор. 2007.
1893

Титульный лист первого издания фантастической повести К. Э. Циолковского «На Луне». (Москва, 1893).

земном льду; тело же при этом значительно подпрыгивало. Когда мы хотели сразу привести себя в быстрое горизонтальное движение, то в первый момент надо было заметно наклоняться вперёд, подобно тому, как лошадь наклоняется, если её заставляют сдвинуть телегу с непосильным грузом; но это только так казалось – на самом деле все движения наши были крайне легки... Спускаться с лестницы со ступеньки на ступеньку – как это скучно! Движение шагом – как это медленно! Скоро мы бросили все эти церемонии, пригодные для Земли и смешные здесь. Двигаться выучились вскачь; спускаться и подниматься стали через десять и более ступеней, как самые отчаянные школяры, а то иной раз прямо прыгали через всю лестницу или из окна. Одним словом, сила обстоятельств заставила нас превратиться в скачущих животных вроде кузнечиков или лягушек.

Итак, побегав по дому, мы выпрыгнули наружу и побежали вскачь по направлению к одной из ближайших гор.

Солнце было ослепительно и казалось синеватым. Закрыв глаза руками от Солнца и блиставших отражённым светом окрестностей, можно было видеть звёзды и планеты, также большей частью синеватые. Ни те ни другие не мерцали, что делало их похожими на вбитые в чёрный свод гвозди с серебряными головками.

А вон и месяц – последняя четверть! Ну, он не мог нас не удивить, так как поперечник его казался раза в три или четыре больше, нежели диаметр прежде виденного нами месяца. Да и блестел он ярче, чем днём на Земле, когда он представляется в виде белого облачка. Тишина... ясная погода... безоблачное небо... Не видно ни растений, ни животных... Пустыня с чёрным однообразным сводом и с синим Солнцем-мертвецом. Ни озера, ни реки и ни капли воды! Хоть бы горизонт белелся – это указывало бы на присутствие паров, но он так же чёрен, как и зенит!

Нет ветра, который шелестит травой и качает на Земле вершины деревьев... Не слышно стрекотанья кузнечиков... Не заметно ни птиц, ни разноцветных бабочек! Одни горы и горы, страшные, высокие горы, вершины которых, однако, не блестят от снега. Нигде ни одной снежинки! Вон долины, равнины, плоскогорья... Сколько там навалено камней... Чёрные и белые, большие и малые, но все острые, блестящие, не закружённые, не смягчённые волной, которой никогда здесь не было, которая не играла ими с весёлым шумом, не трудилась над ними!

(Продолжение в следующую субботу)